

ВОПРОСЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ж. А. Мингалева¹,

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
(Пермь, Россия)

ИДЕИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: «ЯБЛОКО РАЗДОРА» ИЛИ ПЛАТФОРМА ДЛЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ?²

В статье проведен анализ основных зарубежных подходов к трактовке понятия «устойчивое развитие», направлений формирования концепций, программ, политических установок на основе понятия и идей устойчивого развития, выявлены недостатки наиболее распространенных подходов и концепций. Составлен обзор основных подходов и теорий устойчивого развития, предложена их классификация, представлена пространственная модель концептуальных областей понятия «устойчивое развитие». В ходе исследования сделаны выводы, что сложившиеся альтернативные подходы к пониманию роли окружающей природной среды для существования человечества в будущем, к оценке влияния промышленного и сельскохозяйственного производства, а также результатов жизнедеятельности людей (особенно в условиях резкого роста урбанизации) на глобальную экологическую обстановку привели к формированию множества различных концепций устойчивого развития, положенных в основу национальных стратегий устойчивого развития. В результате идеи, да и сама концепция все больше становятся областью разногласий и противоречий между государствами и отдельными регионами мира, а не общей платформой для объединения усилий по решению глобальных проблем человечества.

Ключевые слова. Устойчивое развитие, устойчивый рост, области концептуального построения, пределы роста, истощение ресурсов.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT IDEAS: AN «APPLE OF DISCORD» OR A PLATFORM FOR UNIFICATION?

The article analyzes the main foreign approaches to the interpretation of the «sustainable development» definition, the directions for the formation of various concepts, programs, political

¹ Мингалева Жанна Аркадьевна, д.э.н., профессор гуманитарного факультета; e-mail: mingall@psu.ru

² Исследование выполнено на основе задания на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России ФГБОУ ВО ПНИПУ (тема № 26.6884.2017/8.9 «Устойчивое развитие урбанизированных территорий и улучшение среды обитания человека»).

attitudes based on the definition and ideas of sustainable development, identifies shortcomings of the most common approaches and concepts. An overview of the main approaches and theories of sustainable development is compiled, their classification is proposed, a spatial model of the conceptual areas of the concept of «sustainable development» and spheres of its application is presented. The study concluded that the alternative approaches to understanding the role of the environment in the existence of mankind, to the assessment of both the impact of industrial and agricultural production and the results of people's livelihoods (especially in the context of a sharp increase of urbanization rate) on the global environmental situation, have led to the formation of various concepts of sustainable development that form the basis of national strategies and programs of sustainable development. As a result, the ideas, and the very concept of sustainable development, are increasingly becoming a field of disagreements and contradictions between states and individual regions of the world, rather than a common platform for combining efforts to solve global problems of mankind.

Key words: sustainable development, sustainable growth, areas of conceptual construction, limits to growth, depletion of resources.

Введение

Несмотря на то что идеи устойчивого развития присутствуют во всех программных документах последних десятилетий, реальных и существенных изменений в улучшении взаимодействия природы и общества не наблюдается. Более того, последние события, связанные с массовыми природными катаклизмами, в первую очередь с землетрясениями и вызываемыми ими цунами, извержениями вулканов, обширными лесными пожарами и т.д., в значительной степени объясняются неправильной хозяйственной деятельностью людей, их небрежным отношением к природе и нежеланием соблюдать природный баланс. Провозглашенные с международной трибуны тезисы о необходимости повышения ответственности всех стран и народов перед общим домом — планетой Земля — и активизации работы по созданию нормальных условий для жизни будущих поколений в большей своей части так и остаются лозунгами и пропагандой, используются «скорее как постулат, чем как обоснованная необходимость» [Marcuse, 1998, p. 108]. Более того, сложившееся к настоящему времени огромное разнообразие понятий термина «устойчивое развитие» привело к тому, что данная концепция «нагружена множеством определений, которые рискуют превратиться в лозунг демагогии или в худшем случае погрузиться в безрассудство... [Это понятие] используется для оправдания и легитимации множества политик и практик, начиная от общинного аграрного утопизма и заканчивая крупномасштабным капиталоемким развитием рынка» [Towards a Comprehensive Geographical Perspective..., 2000, p. 1]. Таким образом, говорить о качественном концептуальном структурировании этого понятия не приходится, так же как и о нормализации институциональных подходов к практике устойчивого развития.

Пропагандистский характер многих тезисов о необходимости обеспечения устойчивого развития, а также достаточно формальное описание сущности этого явления без обоснования необходимости его реального воплощения присутствуют во множестве научных работах, фиксируясь затем в официальных документах, политических и государственных (и межгосударственных) программах. Например, в работе Барбары Лукерман и Рольфа Нордстрема важность устойчивого развития определяется так: «...экологическое управление, социальное равенство и экономическое процветание являются неотъемлемыми компонентами устойчивого человеческого прогресса» [Lukerman & Nordstrom, 1997, p. 513]. Такая «аргументация» в дальнейшем приводит к простому декларированию принципов и задач устойчивого развития в нормативных документах отдельных стран и в программах действий.

Другой серьезной и явно выраженной проблемой в практическом применении концепции устойчивого развития является то, что идеи устойчивого развития интерпретируются по-разному в различных странах и регионах мира и соответственно по-разному воплощаются в национальной политике, в действиях бизнес-структур, органов власти и управления, поведении населения, деятельности различных общественных организаций. При этом национальные подходы к разработке стратегии, программ и мероприятий по обеспечению устойчивого развития опираются на различные научные теории, обеспечивающие концептуальную основу для принятия тех или иных политических и государственных решений, выбора инструментов и средств воздействия на природу и общество, измерения эффективности предпринимаемых мер и достигнутых успехов и т.д. В результате идеи устойчивого развития все больше становятся областью противоречий и раздора [Norwood, 2005, p. 40] между государствами и целыми регионами мира, в первую очередь между экономически развитыми и экологически благополучными странами мира и регионами нищеты, голода, отсутствия элементарных санитарно-гигиенических условий, болезней, военных конфликтов.

Признавая тот факт, что переход к концепции устойчивого развития означает потенциально важный сдвиг в понимании отношения человечества к природе и между людьми, необходимо более ясное понимание смысла термина «устойчивое развитие», его наполнения, значимости для существования и благополучной жизни будущих поколений, а также для принятия взвешенных, обоснованных и согласованных решений в области экономики, экологии и общества.

Однако, по признанию многих зарубежных специалистов, существующие в настоящее время различные трактовки понятия устойчивого развития имеют очень широкие интерпретации на интервале «от почти бессмысленного до чрезвычайно важного значения для человечества» [Norwood,

2005, р. 40]. Это в значительной степени затрудняет поиск компромисса в достижении действительно устойчивого развития в глобальном масштабе. В этой связи важными являются систематизация и четкое позиционирование различных теорий устойчивого развития в концептуальном пространстве, выявление их сущностных моментов и возможных последствий их применения, что позволит обеспечить политиков и государственных служащих надежным инструментом, помогающим в процессе принятия решений в данной области.

История возникновения и трансформации идей устойчивого развития

Нужно отметить, что мысли об устойчивом развитии и экологической безопасности производства, теоретическая проработка этих идей целенаправленно начались еще во второй половине XX в. Основную тревогу забили философы, которые отмечали, что интенсивное техническое развитие, бурный рост производства и рост потребления имеют множество негативных последствий, среди которых в первую очередь выделялось разрушение природной среды, способное уже в ближайшем будущем привести к гибели человечества в целом. Попытки доказать это с помощью математического аппарата были реализованы в начале 70-х гг. с помощью различных математических моделей. Наиболее известной среди них оказалась модель прогноза мирового развития, созданная американским инженером, разработчиком теории системной динамики Джемом Форрестером, который по приглашению руководства Римского клуба применил созданную им методику системной динамики к задаче моделирования мировых проблем. Результаты моделирования были опубликованы в 1971 г. в книге «Мировая динамика» (World Dynamics), где было показано, что дальнейший рост производства и жизнедеятельности человечества установившимся к началу 70-х гг. XX в. темпами примерно через 50 лет (уже в 20-х гг. XXI в.) приведет к экологической катастрофе вследствие резкого ухудшения экологической обстановки и негативного изменения климата, а положительные тенденции роста сменятся на противоположные тенденции снижения качества жизни людей вследствие возрастания дефицита производственных ресурсов из-за физической ограниченности ресурсов планеты Земля [Forrester, 1971]. С помощью математического моделирования Форрестером было доказано, что энергетические, сырьевые и природные (пашня, питьевая вода и пр.) ресурсы планеты являются естественным и жестким ограничением для роста качества жизни людей и человечества в целом.

Одновременно с этим исследованием в 1970—1972 гг. также под эгидой Римского клуба был осуществлен проект оценки глобальных угроз

человечеству, руководил которым Деннис Медоуз. В рамках этого проекта группой исследователей были проанализированы основные факторы экономического роста и составлены сценарии развития человечества в условиях угрозы изменения климата и истощения невозобновляемых ресурсов. Нужно отметить, что в составе рабочей группы были в основном специалисты в области охраны окружающей среды (Донэлла Медоуз), стратегии изменения климата (Йорген Ранدرس), системного управления (Деннис Медоуз) и другие специалисты в области сценарного планирования, системной динамики, вопросов изменения климата, глобального потепления.

В 1972 г. результаты работы группы Д. Медоуза были представлены на заседании Римского клуба в виде доклада «Пределы роста» («The Limits to Growth») и небольшой брошюры, содержащей основные результаты исследования [Meadows, et al., 1972]. В 1974 г. была издана полная версия книги, в которую были включены все разработанные группой под руководством Д. Медоуза математические модели роста человеческой популяции в условиях истощения природных ресурсов [Meadows, 1974]. Разработанные в ходе реализации проекта 12 основных сценариев развития человечества содержали в себе (помимо пессимистических) и набор так называемых «оптимальных (устойчивых) сценариев развития», название которых и дало толчок к формированию термина.

Работы Д. Форрестера и Д. Медоуза оказались сенсацией и послужили основой для активных исследований в данной области и широкой пропаганды идей устойчивого развития. Основной областью исследований в то время стал анализ последствий быстрого роста численности населения — в качестве основной проблемы развития человечества была сформулирована проблема перенаселения Земли в ближайшем будущем и снижения качества жизни вследствие наличия физических ограничений ресурсов и деградации окружающей природной среды. Рецепты, разработанные в рамках оптимальных сценариев того периода (не только сценариев развития, рассчитанных группой Д. Медоуза, но и многих других), сводились в основном к решению задачи ограничения роста населения, в том числе путем законодательного ограничения рождаемости, а также к достижению экологического и экономического равновесия в глобальном масштабе.

В том же 1972 г. вопросы и перспективы взаимодействия человечества и природы были подняты на Конференции ООН (июнь, Стокгольм) по проблемам окружающей человека среды¹. По итогам конференции был принят План действий (Action Plan for the Human Environment), включающий 109 программных пунктов, а также Программа ООН по окружа-

¹ 1972 United Nations Conference on the Human Environment (Part 1); 1972 United Nations Conference on the Human Environment (Part 2).

ющей среде (United Nations Environment Programme — UNEP (ЮНЕП), к основным задачам которой относились: оценка текущего состояния окружающей среды, прогноз изменений в экологической обстановке и выявление проблем, решение которых требует международного сотрудничества [Institutional and financial arrangements for international environmental co-operation, 1972].

Нужно отметить, что Стокгольмская конференция ООН по проблемам окружающей человека среды стала важным моментом в развитии природоохранной деятельности ООН, но до современной трактовки устойчивого развития было еще далеко. В текстах резолюций и документов Конференции 1972 г. были заложены основы сбалансированного подхода к решению экологических проблем на глобальном уровне, а принятые в ее рамках решения стимулировали развитие международного права по окружающей среде и природоохранное сотрудничество в мировом масштабе.

Что касается научной значимости выводов, сделанных в докладе «Пределы роста», то они вызвали достаточно ожесточенные споры и серьезные возражения в отношении методики исследования, построенных моделей и сформулированных выводов. Основная критика касалась уровня сложности модели, которая не могла в силу ограниченности включенных в нее факторов (переменных) и небольшого числа уравнений (всего около 1000) отразить всю сложность мировой проблематики и многогранность мира. В результате, по мнению целой группы исследователей, «широкая неопределенность этих моделей делает пессимистические прогнозы никоим образом не определенными, и более обнадеживающие прогнозы кажутся одинаково действительными» [Oerlemans et al., 1972, p. 251], а чрезвычайно высокая чувствительность результатов моделирования к исходным предположениям и различным допущениям делает ее весьма неустойчивой и противоречивой [Boyd, 1972, p. 516; Salerno, 1973, p. 488]. Таким образом, смоделированный группой Д. Медоуза мир оказался выхолощенным, очищенным от региональных и национальных особенностей — «мир, рассматриваемый как монолитная целостность, приобрел не обобщенность, а однородность. Сама суть мировой проблематики — внутренняя противоречивость — оказалась искаженной» [Pestel, 1989]. Более того, ряд специалистов, включая часть членов самого Римского клуба, называли концепцию «нулевого роста», разработанную в рамках проекта «Пределы роста» «вредной и неадекватной» [Mesarovic & Pestel, 1975].

С другой стороны, явные недостатки модели глобального развития, предложенной группой Д. Медоуза, привели к активизации исследования в данной области, к разработке новых, более сложных моделей и к поиску новых инструментов управления дальнейшим развитием мира. Не рассматривая все многообразие развернувшейся по данному поводу дискуссии, выделим два направления исследований, результаты которых заложены

жили фундамент современного понимания термина «устойчивое развитие» и формирования наиболее распространенных в настоящее время подходов к данной концепции и построенной на ее основе политики. Это исследование под эгидой Римского клуба двух групп ученых — под руководством Э. Пестеля и М. Месаровича и под руководством Я. Тинбергена, результаты которых были представлены соответственно во втором (1974 г.) и третьем (1976 г.) докладах Римскому клубу.

Первое из выделенных исследований, проведенное по инициативе активных участников Римского клуба и основных критиков модели Медоуза—Форрестера — американского математика Михайле Месаровича и немецкого специалиста в области системного анализа Эдуарда Пестеля касалось доработки и модификации модели «глобального мира». Опираясь на собственное представление о иерархической сложности, неоднородности, но и неразрывной взаимозависимости элементов глобальной системы, а также учитывая многочисленные критические замечания в отношении модели Д. Медоуза, высказанные иными специалистами (см., например, работу У. Нордхаус «Мировая динамика: измерение без данных» [Nordhaus, 1973]), Э. Пестель и М. Месарович предложили новую компьютерную модель мира на основе разработанной в конце 60-х гг. М. Месаровичем теории многоуровневых иерархических систем. Модель Месаровича—Пестеля включает описание 10 подсистем (различных регионов мира) и их взаимосвязей, построенных на основе более чем 200 000 математических уравнений.

Результаты работы Э. Пестеля и М. Месаровича были представлены в виде доклада Римскому клубу в 1974 г. под названием «Человечество на перепутье: второй доклад Римскому клубу» («Mankind at the Turning Point: The Second Report to the Club of Rome») [Mesarovic & Pestel, 1975]. Одним из важнейших научных результатов этого доклада стала концепция «органического роста», которая до сих пор является одним из наиболее популярных и продвигаемых Римским клубом теоретических построений в области устойчивого развития. Согласно концепции «органического роста» за каждым регионом мира закрепляется особая функция, выполнение которой обеспечивает вклад данного региона в глобальное устойчивое развитие. Так, страны и регионы с высокой рождаемостью должны сосредоточиться на ее ограничении; экономически развитые страны мира должны осуществлять различные варианты помощи развивающимся странам, ориентируясь на ликвидацию разрыва между их среднедушевыми уровнями дохода, связанными с различием в промышленных потенциалах; развивающиеся страны должны отвечать за загрязнение окружающей среды, несмотря на существующие в них бедность, антисанитарию, нищету. Особые функции и особая роль в обеспечении устойчивого развития накладываются и на группы стран, относящихся к производите-

лям и потребителям нефти (с целью достижения устойчивости в снабжении энергоресурсами), а также производителям и потребителям продовольствия (с целью решения мировой продовольственной проблемы). При этом особый акцент был сделан на регионах, охватывающих развивающиеся страны мира, поскольку по разработанным в модели прогнозам при сохранении сложившихся тенденций экологическая и гуманитарная катастрофа наступит в первую очередь именно в этих регионах, а уже позднее она скажется и на развитых странах мира. Таким образом, во втором докладе Римскому клубу были сделаны следующие рекомендации: необходимость перехода к «органическому росту» на основе дифференциации темпов роста по группам стран с оказанием дополнительной помощи развивающимся странам и решением мировых продовольственной и нефтяной проблем.

Второе из обозначенных направлений исследований, ставшее важным этапом в становлении современного понимания термина «устойчивое развитие» и основой для формирования многочисленных подходов и теорий к устойчивому развитию, — исследование Яна Тинбергена, представленное в виде третьего доклада Римскому клубу в 1976 г. под названием «Пересмотр международного порядка» («RIO: Reshaping the International Order. A Report to the Club of Rome»). Основное направление исследований группы Я. Тинбергена было сформулировано по результатам обсуждения доклада группы Д. Медоуза в ООН при участии Римского клуба. Как уже отмечалось, одно из серьезных замечаний в отношении модели Медоуза—Форрестера и сделанных из нее выводов и рекомендаций касалось акцентирования внимания в модели на экономических, экологических и демографических проблемах и практическое отсутствие анализа, оценки значимости и соответственно рекомендаций по изменению социально-политических аспектов проблемы пределов роста. Поэтому перед группой ученых, возглавляемых лауреатом Нобелевской премии нидерландским экономистом Яном Тинбергеном была поставлена задача разработки концепции «перестройки структуры мировой экономики», а именно: «Предложить руководству и народам стран мира такой новый порядок, который позволит реально и наиболее полно удовлетворить основные потребности сегодняшнего дня и возможные потребности будущих поколений...» [RIO, 1976].

В третьем докладе Римскому клубу, представленному в 1976 г., были изложены конкретные рекомендации, касавшиеся реорганизации существующих и создания новых институтов на основе таких принципов поведения людей и осуществления ими хозяйственной деятельности, которые позволили бы обеспечить условия для глобального устойчивого развития. С этой целью, в частности, предлагалось ограничить темпы роста доходов на душу населения, причем в разной пропорции для разных стран. Так,

по мнению авторов доклада, для сокращения разрыва в уровне благосостояния между странами необходимо, чтобы развитые страны оставались на нулевом уровне среднегодового роста доходов на душу населения, в то время как в развивающихся странах среднегодовой рост доходов на душу населения должен составлять не менее 5% в год. Именно при таком подходе может быть достигнуто сближение среднего уровня доходов в мировом масштабе, умеренное благосостояние и достойное качество жизни для населения мира в целом. Однако это, в свою очередь, требует кардинальной перестройки институциональной структуры во всем мире, внедрения иных принципов жизнедеятельности, внедрения новой практики международных отношений и комплекса других преобразований в экономической, политической, технической, военной и иных областях.

Три представленных выше исследования («Пределы роста», «Человечество на перепутье» и «Пересмотр международного порядка») заложили основы формирования большинства современных подходов к трактовке концепции устойчивого развития. Однако сам термин «устойчивое развитие» был введен в оборот чуть позже, в начале 80-х гг. Наиболее часто при ссылке на первое упоминание термина «устойчивое развитие» в официальных международных документах ссылаются на «Всемирную стратегию охраны природы», принятую в 1980 г. и подготовленную в сотрудничестве Международного союза охраны природы (International Union for Conservation of Nature — IUCN/МСОП), Программы ООН по окружающей среде ЮНЕП, ЮНЕСКО, Всемирного фонда дикой природы (World Wildlife Fund — WWF/ВВФ), Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (Food and Agriculture Organization of the United Nations — FAO/ФАО) и целого ряда международных неправительственных организаций.

Что же касается привычной и широко используемой сейчас в качестве базовой во многих международных и национальных программных документах формулировки понятия устойчивого развития: *«Удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»*, то оно официально было зафиксировано в 1987 г. в программном докладе «Наше общее будущее» («Our Common Future»), представленном Международной комиссией по окружающей среде и развитию (World Commission on Environment and Development (WCED))¹. Наконец, принятие концепции «устойчивого развития» как альтернативы прежнему природоразрушительному курсу

¹ Другое широко известное название этой комиссии — «комиссия Брундтланд» (Brundtland Commission), по имени возглавлявшей ее премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брундтланд, а другое широко применяемое название доклада — «доклад Брундтланд» (the Brundtland Report).

цивилизации и введение термина «устойчивое развитие» в официальный оборот были осуществлены на конференции ООН, получившей название «Саммит Земли», прошедшей в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. Также на конференции была принята программа ООН «Повестка дня на XXI век» («Agenda 21»), ставшая основой для разработки национальных программ по переходу к устойчивому развитию.

Во многих концепциях особо делается акцент на глобальности этого явления, подчеркивается, что действия в рамках программ развития и последствия их воздействия на природу и общество должны рассматриваться на международном уровне, чтобы избежать смещения проблем из одной области в другую, распространения проблемы из границ одной страны на множество стран посредством таких действий, как усиление масштабов загрязнений, которые начинают выходить за границы одной области, перемещаясь на соседние регионы, как перемещение загрязняющих отходов из одной страны в другую [Wackernagel & Rees, 1996].

Область современных подходов к трактовке устойчивого развития

Традиционно считается, что концепция устойчивого развития сформировалась на международном уровне в результате осознания политиками и учеными разных стран общности ряда проблем человечества, наличия взаимосвязей между ними, включая общую для всех опасность истощения невозобновляемых ресурсов уже в ближайшее время, негативную тенденцию ухудшения здоровья людей, а также углубление социально-экономических проблем, связанных с нищетой и неравенством. В таком контексте концепция устойчивого развития связывает прежде всего социально-экономические и экологические области человеческой деятельности. Однако существующий в настоящее время спектр подходов в рамках идеи устойчивого развития при оценке значимости конкретных элементов в соотношении «человек—экономика—природа» включает диаметрально различающиеся мнения.

Весь комплекс существующих в настоящее время подходов можно представить в виде трехмерного пространства с осями координат «человек», «экономика», «природа» (см. рис. 1). В плоскостях этих координат размещены основные подходы и теории устойчивого развития, сгруппированные на основе качественно-количественной оценки в значениях «min» — «max» основных классификационных показателей: показателя преобладающего (ведущего) элемента в связке (что является главным), показателя соподчинения (что от чего зависит) и показателя преобладающего в наборе рекомендаций для формирования политики в области промышленного развития, социально-экономического развития и защиты

природы подхода к пониманию термина устойчивого развития общества. Пунктирными линиями на рис. 1 обозначены траектории развития концептуальных подходов к понятию устойчивого развития с учетом важности всех сторон триады «человек—экономика—природа»: прямая стрелка к точке «max» для всех трех элементов отражает траекторию формирования концепции устойчивого развития с равноправным включением всех элементов в систему взаимоотношений.

Рис. 1. Множество подходов к сочетанию элементов «человек—экономика—природа»
Источник: составлено автором.

Конечно, представленная на рис. 1 классификация по группам является весьма упрощенной, а границы отнесения различных теорий и подходов к той или иной группе размытыми. Тем не менее такое представление области распространения научных взглядов на устойчивое развитие позволяет обозначить принципиальные границы в подходах, а также в формировании политических и хозяйственных решений по вопросам достижения устойчивого развития.

Краткий анализ особенностей основных групп теорий устойчивого развития начнем с плоскости осей «экономика—человек», поскольку исторически эти теории являются первыми и до сих пор остаются наиболее распространенными.

В плоскости «экономика—человек» при «*min*» значения элемента «природа» (экологическая составляющая) расположены теории и подходы (на рис. 1 обозначены буквой «а») доиндустриальной и классической индустриальной парадигм XVIII—XX вв. Эти подходы опираются на фундаментальную идею о подчиненном человеческим интересам месте природы. Отношения между людьми и окружающей средой при таком подходе трактуются как победа человека и человечества над природой. В результате в течение последних нескольких сотен лет окружающая среда в значительной степени воспринималась как внешняя по отношению к человечеству, необходимая в основном для использования и эксплуатации, оценивалась с позиции полного подчинения интересам промышленного и сельскохозяйственного производства. Соответственно, при таком подходе для обеспечения экономического роста допускалось хищническое использование природных ресурсов, практически бесконтрольное загрязнение окружающей среды, эксплуатация физических и психологических ресурсов людей, создание в целых регионах планеты массовых свалок и захоронений отходов, включая радиоактивные и химически опасные «могильники» и т.д. Эта модель роста, по признанию многих исследователей, политиков и международных общественных структур, привела к формированию «нисходящей спирали бедности и деградации окружающей среды» [WCED, 1987], к «повреждению окружающей среды, от которой мы зависим» [Norwood, 2005, p. 39].

На основе этого подхода также были сформулированы многочисленные послевоенные теории роста. Доминирующие во многих социально-экономических программах и национальных стратегиях развития тезисы о том, что международное процветание и благосостояние людей могут быть достигнуты за счет расширения глобальной торговли и промышленности, продолжают отстаиваться и в наше время [Reid, 1995; Moffat, 1996; Sachs, 1999].

При этом в рамках данной платформы выдвигались и идеи устойчивого развития — в частности, представленные в моделях Медоуза—Форрестера и Мессаровича—Пестеля идеи ограничения потребления ресурсов за счет так называемых промышленно слабо развитых стран. Дополнительный стимул распространению этих концепций дал еще один доклад Эдуарда Пестеля Римскому клубу в 1987 г., получивший название «За пределами роста» («Beyond the Limits to growth») [Pestel, 1989], а предложенная в первом и втором докладах Римскому клубу методика моделирования глобального развития до сих пор используется правительством США для прогнозирования происходящих в мире процессов.

Другое направление формирования теорий устойчивого развития в рамках данной области идет от максимизации потребностей людей, где главным читается достижение равенства благосостояния во всех странах и ре-

гионах (на рис. 1 обозначены буквой «b»). В этих теориях акцент делается на необходимости искоренения нищеты в глобальном масштабе и/или внутри стран, чего «не смогли добиться прошлые модели роста... а... никакие программы или политика не дают реальной надежды на сокращение растущего разрыва между богатыми и бедными странами» (WCED, 1987, р. xi). В этих концепциях в качестве основных целей устойчивого развития выдвигается задача искоренения бедности, удовлетворения человеческих потребностей и обеспечения того, чтобы все получали справедливую долю ресурсов. Таким образом, социальная справедливость выдвигается в этих концепциях в качестве первоочередного и важнейшего компонента устойчивого развития.

Что касается практического применения этих идей в национальных стратегиях ведущих стран мира, то они «позволяют бизнесу и правительствам поддерживать устойчивость без каких-либо фундаментальных изменений их нынешнего курса... а идеи Брундтланд о [необходимости] быстрого роста [применяются], чтобы оправдать фразу «устойчивый рост» [Norwood, 2005, р. 39]. Это «позволяет капитализму продолжать выдвигать экономический рост как свое «морально-ответственное решение» бедности» [Rees, 1998]. «Если экономика вырастет, в конечном итоге все выиграют» [Dollar & Краау, 2000]. «...для продвижения к более устойчивому развитию нам нужен больший рост»¹. И т.д. Таким образом, многочисленные нормативные документы экономически развитых стран мира опираются на тезис о том, что развитие связано с ростом, и поэтому экономический рост рассматривается как часть решения задачи устойчивого развития.

Концептуальной основой для формулировки этих идей послужили выводы и расчеты, представленные в моделях Медоуза—Форрестера и Мессаровича—Пестеля, а также части идей, высказанных в докладе «Наше общее будущее» (хотя официально этот доклад считается базовым для формирования концепции устойчивого развития на основе создания триады «человек—экономика—природа» и полноправного включения в связку «экономика—человек» элемента природы).

Одновременно с развитием этих концепций наблюдалось формирование иных подходов, в большей степени учитывающих интересы «природы», возникших на основе получивших широкую поддержку общества многочисленных экологических и «зеленых» движений 50–60-х гг. XX в., а также понимания и признания многими политиками и учеными бесперспективности и опасности для человечества в целом такого подхода хищнического отношения к природе.

¹ Цитата приведена из документа Департамента по окружающей среде, транспорту и регионам Великобритании «Лучшее качество жизни: стратегия устойчивого развития Соединенного Королевства» [DETR, 1999, п. 3.31].

Переход от плоскости «экономика—человек» к любым вариантам включения в систему взаимодействия элемента «природа» приводит к формированию концепций и теорий устойчивого развития на основе триады «человек—экономика—природа». Как формулируют основу такого подхода исследователи, «вместо того чтобы доминировать над природой, наши жизни, деятельность и общество должны быть вложены в окружающую среду» [Giddings et al., 2002].

И здесь развитие теорий пошло по двум основным направлениям: в плоскости «экономика—природа» (на рис. 1 обозначено буквой «с») и в плоскости «человек—природа» (на рис. 1 обозначены буквами «d» и «f»). Вначале остановимся на первом направлении.

Подходы на основе изменения взаимодействия в связке «экономика—природа» составляют основу официальной концепции устойчивого развития, изложенной в докладе «Наше общее будущее» и в программных документах Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию под руководством Г. Х. Брундтланд [World Commission on Environment and Development, 1987]. В основе этого подхода лежит понимание того, что зависимость людей от окружающей среды в удовлетворении их потребностей и обеспечении благополучия становится все сильнее и в гораздо более широком смысле, чем простое использование ресурсов [WCED, 1987, p. 5].

В этом же докладе Г. Х. Брундтланд формулирует задачу перехода всего мирового сообщества к другой форме экономического роста на основе изменения качества роста, удовлетворения основных потребностей и «слияния окружающей среды и экономики при принятии решений» [WCED, 1987, p. 49]. Ключевыми идеями данного подхода стали идеи целенаправленного управления природными ресурсами в глобальном (а не только региональном) масштабе, указание на то, что «людям нужны природные ресурсы и что эти ресурсы должны управляться, а не быстро использоваться, чтобы обеспечить максимальное долгосрочное использование» [Dryzeck, 1997].

Концептуальной основой этого подхода послужили идеи, сформулированные в рамках реализованного в 1976—1978 гг. под эгидой Римского клуба проекта под названием «За веком расточительства» («Beyond the Age of Waste») [Gabor, and Colombo, 1978]. Данный проект, возглавляемый британским физиком Денишем Габором и итальянским специалистом в области управления Умберто Коломбо, явился продолжением и развитием ключевых идей доклада «За пределами роста», а именно — проблемы исчерпаемости природных ресурсов. Коллектив исследователей провел изучение имеющегося в разных странах научно-технического потенциала с целью определения его возможностей для решения глобальных энергетических, сырьевых и продовольственных проблем. В докладе утвержда-

лось, что пределы экономического роста вызваны в большей степени недостатками государственного управления и общественного менталитета, в то время как достигнутый уровень развития науки и техники позволяет решить практически все проблемы, связанные с дефицитом сырья, ресурсов, энергии и продуктов питания, а при разумном отношении к природе возможно обеспечение все более высокого качества жизни людей. Поэтому основные усилия необходимо направить на совершенствование социально-политических механизмов и институтов.

При этом особый акцент делался на существовании физической возможности современных науки, техники и технологии обеспечить бездефицитность ресурсов, а значит, и экономический рост необходимыми темпами. Это привело к возникновению различных теорий и подходов, обосновывающих требования максимальной экономии и полного возобновления ресурсов, их рационального использования и других мероприятий в области потребления природных ресурсов в качестве основных механизмов обеспечения устойчивого развития человечества.

Наконец, определенную часть концепций в рамках данного подхода составили теории, разработанные на основе ключевой идеи о том, что перед экономикой в настоящее время поставлен доминирующий вопрос о взаимосвязи развития человека с экономическим ростом, определяемого увеличением производства в качестве основного приоритета [Douthwaite, 1992]. Увеличение производства на основе рационального и экономного использования ресурсов представляется в этих концепциях как ключ к благосостоянию всего человечества через преодоление бедности и нищеты.

Нужно отметить, что именно этот подход (возможность науки и технологии обеспечить экономический рост без кардинального изменения существующего мирохозяйственного порядка и кардинальной трансформации сложившегося институционального устройства общества) является в настоящее время преобладающим в большинстве экономически развитых стран мира.

Что касается третьей из обозначенных областей развития подходов к устойчивому развитию — области «человек—природа», то здесь выделяется две группы достаточно сильно различающихся между собой концепций (на рис. 1 обозначены буквами «d» и «f»). В целом же спектр сложившихся в данной области подходов охватывает обширную группу теорий и концепций, национальных программ от антропогенных до техноцентристских.

В рамках первого подхода, максимизирующего значимость природной среды («d»), выдвигаются идеи о необходимости полного слияния с природой, отказа от промышленного производства, перехода к натуральному хозяйству («экологические деревни» и пр.), полного «сра-

стания» человека с природой, достижения экологического равновесия на основе социальной справедливости. В такой трактовке устойчивое развитие представляет собой «непрекрывто антропоцентрическую концепцию» [Lee, 2000, p. 32].

Другая группа теорий («f») под устойчивым развитием понимает исключительно «позитивные социально-экономические изменения, которые не подрывают экологические и социальные системы, от которых зависят сообщества и общества» [Rees, 1988, p. 279].

Нужно отметить, что многие концепции, разработанные в рамках данной области взаимоотношений, на практике не всегда обеспечивают устойчивое развитие. Более того, часто встречаются ситуации, когда под лозунгом достижения экологической устойчивости скрывается социальная несправедливость или, наоборот, с помощью тезиса о социальной справедливости маскируется нанесение экологического ущерба [Dobson, 2000]. Так, Крис Олдс в качестве примера подобной политики приводит одну из государственных региональных программ Китая к «планированию устойчивого развития», которая, по его мнению, «увечивает противоречивость данного подхода, где озабоченность разработчиков программы в сокращении потребления энергии в небольшой пространственной области поддерживается на самом деле за счет более значимого процесса разграбления природных ресурсов Китая финансовыми учреждениями, которые используют эти городские пространства как основы для их «командно-контрольной деятельности» [Olds, 1997]. Таким образом, делают выводы многие зарубежные исследователи, «устойчивость и социальная справедливость не обязательно идут рука об руку» [Marcuse, 1998, p. 104]. Что же касается жизнеспособности этих подходов, то ряд исследователей объясняют это тем, что связь экологических и социальных проблем во многих случаях обосновывается моральными принципами и воззваниями к совести и этике, а не тем, что эти элементы общественной системы являются существенными и социально связанными и неотделимыми [Blowers, 1993].

С целью разрешения указанного противоречия некоторые исследователи предлагают сосредоточиться на устойчивых средствах к существованию и благосостоянию, а не на благоустройстве и долгосрочной экологической устойчивости, что требует прочной основы в принципах, которые связывают социальную и экологическую справедливость. Именно это, по мнению Билла Хопвуда, Мэри Меллор и Джеффа О'Брайен, позволит обеспечить реальное устойчивое развитие [Hopwood et al., 2005].

Несмотря на наличие ярко выраженных противоречий в ряде концепций в данной области подходов к пониманию термина «устойчивое развитие», тем не менее на практике продолжается их применение.

Выводы

Исследование показало, что наличие большого и главное — разнообразного и разнопланового количества определений и подходов к трактовке устойчивого развития вносит хаос и недопонимание как в теоретические исследования вопроса, так и в разработку нормативных документов по формированию концепций, стратегий и программ устойчивого развития территорий, а также в поиск компромиссов и согласование действий различных субъектов общества в реализации принципов устойчивого развития на практике. Особенно ярко это проявляется на международном уровне, где различные национальные подходы к пониманию устойчивого развития иногда оказываются диаметрально противоположными и становятся скорее областью раздора, чем платформой для согласования интересов и выработки объединенных действий.

Существующие в настоящее время различные трактовки понятия устойчивого развития имеют очень широкие интерпретации на интервале от бессмысленных и даже вредных для человечества до важных и реально спасительных для мира. Таким образом, по мнению многих исследователей, концепция устойчивого развития в ее нынешнем виде в высокой степени провоцирует разногласия и конфликты, в том числе военные, за перераспределение ресурсов и установление «справедливости», такой, как она трактуется противоборствующими сторонами, что и подтверждается многими мировыми событиями последнего времени.

С целью преодоления этой проблемы необходимо четкое понимание различий в подходах и практических последствий выбора конкретного научного подхода, что позволит обеспечить властные структуры, политиков, общественные организации как на международном, так и на национальном уровнях надежным инструментом принятия решений по всему комплексу глобальных проблем и реального достижения устойчивого развития мира в целом.

Список литературы

1. 1972 United Nations Conference on the Human Environment (Part 1).
2. 1972 United Nations Conference on the Human Environment (Part 2).
3. Agenda 21 (1993). United States. — 300 p. ISBN 978-92-1-100509-7.
4. *Blowers A.* (1993). The Time for Change. In *Planning for a Sustainable Environment*, *Blowers A* (ed). Earthscan: London.
5. *Boyd R.* (1972). *World Dynamics: A Note // Science. New Series.* — Vol. 177. — No. 4048. — P. 516–519.
6. Declaration of the United Nations Conference on the Human Environment. Adopted by the United Nations Conference on the Human Environment, Stockholm, 1972. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml

7. DETR (1999). *A Better Quality of Life: A strategy for sustainable development for the United Kingdom*. — DETR: London.
8. *Dobson A.* (2000). *Sustainable Development and the Defence of the Natural World*. In: *Global Sustainable Development in the 21st Century* Lee K., Holland A., McNeill D. (eds). — Edinburgh: Edinburgh University Press.
9. *Dollar D., Kraay A.* (2000). *Growth is Good for the Poor*. — World Bank: Washington DC, USA.
10. *Douthwaite R.* (1992). *The Growth Illusion*. — Bideford: Green Books.
11. *Dryzek J.* (1997). *The Politics of the Earth*. — Oxford University Press: Oxford.
12. *Eckersley R.* (1992). *Environmentalism and Political Theory*. — UCL Press: London.
13. *Forrester J. W.* (1971). *World Dynamics*. — Cambridge, Mass., Wright-Allen Press, Inc., 1971.
14. *Gabor D. and Colombo U.* (1978). *Beyond the Age of Waste: A Report to the Club of Rome*. — Oxford: Pergamon Press. — 239 p.
15. *Giddings B., Hopwood B., O'Brien G.* (2002). *Environment, Economy and Society: Fitting Them Together into Sustainable Development*. *Sustainable Development* 10: 187–196.
16. *Hopwood B., Mellor M. and O'Brien G.* (2005). *Sustainable Development: mapping different approaches*. *Sustainable Development*, 13. — P. 38–52. ISSN 0968-0802 Published by: Wiley-Blackwell. URL: <http://dx.doi.org/10.1002/sd.244>
17. *Institutional and financial arrangements for international environmental co-operation*, N A/RES/2997(XXVII). Resolution adopted by the General Assembly — Twenty-seventh Session, 15 Dec. 1972. URL: <http://www.un.org/documents/ga/res/27/ares27.htm>
18. *King A.* (1986). *The Club of Rome: Reaffirmation of a Mission // Interdisciplinary Sciences Review*. — Vol. 11. — 1. — P. 14.
19. *Lee K.* (2000). *Global Sustainable Development: Its Intellectual and Historical Roots*. In *Global Sustainable Development in the 21st Century*. Lee K., Holland A., McNeill D. (eds). — Edinburgh University Press: Edinburgh.
20. *Lukerman B. L. and Nordstrom R.* (1997). *Sustainable communities // Journal of the American Planning Association*. — Vol. 63. — P. 513.
21. *Marcuse P.* (1998). *Sustainability is not enough*. *Environment and Urbanization* 10: 103–111.
22. *Meadows D. L.* (1974). *Dynamics of Growth in a Finite World*. — Wright-Allen Press. — 637 p.
23. *Meadows D. L., Meadows D. H., Randers J., Behrens W. W.* (1972). *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. — New York: Universe Books, 1972. — 211 p.
24. *Mersarovic M. and Pestel E.* (1975). *Mankind at the Turning Point: The Second Report to the Club of Rome*. Hutchinson.
25. *Moffatt I.* (1996). *Sustainable Development: Principles, Analysis and Policies*. — Parthenon: London.
26. *Nordhaus W. D.* (1973). *World Dynamics: Measurement Without Data // The Economic Journal*. — Vol. 83. — No. 332. (Dec., 1973). — P. 1156–1183.
27. *Oerlemans T. W., Tellings M. M. J., and DeVries H.* (1972). *World Dynamics: Social Feedback may give Hope for the Future // Nature*, 238, 251–255. doi:10.1038/238251a0

28. *Olds K.* (1997). Globalizing Shanghai: the 'global intelligence corps' and the Building of Pudong. *Cities*, 14 (2): 109–123.
29. *Pestel E.* (1989). Beyond the Limits to growth: a report to the Club of Rome. — New York, Universe Books, 1989. — 191 p.
30. *Rees W.* (1988). A role for environmental impact assessment in achieving sustainable development // *Environmental Impact Assessment Review*. — Vol. 8. — P. 279.
31. *Rees W.* (1998). Understanding Sustainable Development. In *Sustainable Development and the Future of Cities*, Hamm, Muttagi (eds). — Intermediate Technology: London.
32. *Reid D.* (1995). Sustainable development: an introductory guide. — Earthscan: London.
33. RIO: Reshaping the International Order. A Report to the Club of Rome (1976) / Tinbergen, Dolman van Ettinger (Eds.). — New-York: E. P. Dutton.
34. World Commission on Environment and Development (1987). Our Common Future. — Oxford: Oxford University Press. — 300 p.
35. *Sachs W.* (1999). Planet Dialectics. — Zed Press: London.
36. *Salerno J.* (1973). Sensitivity in the World Dynamics Model. *Nature*, 244: 488–492; doi:10.1038/244488a0
37. Towards a Comprehensive Geographical Perspective on Urban Sustainability: Final Report of the 1998 National Science Foundation Workshop on Urban Sustainability (2000). Center for Urban Policy Research, Rutgers — the State University of New Jersey. — 25 p.
38. *Wackernagel M.* and *Rees, W.* (1996). Our Ecological Footprint. — New Society Publishers: Gabriola Island, Canada.
39. WCED (World Commission on Environment and Development). 1987. Our Common Future. — Oxford University Press: Oxford.